УДК 94(430).06/ 94(47).072

**С. Н. Искюль**

# Франция, Россия и тернии Тильзитского «брака»

Мир сродни браку, который зависит
от обоюдного соединения желаний.
*Наполеон (1816)*

Принимая у себя во дворце в начале 1812 г. еще находившегося тогда не у дел Ф. В. Ростопчина, одного из видных «старых русских», Александр I «долго говорил о своей решимости вести на смерть войну с Наполеоном», выражая надежду на храбрость войск и верность подданных»[1]. Перед этим, 10 ноября 1811 г., в письме к любимой сестре, с которой был откровенен, если знал, что письмо будет доставлено с надежной оказией, обмолвился: «Мы здесь постоянно настороже, — все в таком напряжении, что военные действия могут произойти в любую минуту»[2]. Уже в феврале 1812 г., когда император старался предусмотреть в дальнейшем развитии событий не только превентивную войну, но и отступление вглубь страны, в разговоре с австрийским посланником графом Иоганном-Францем Сен-Жюльеном он говорил: «Я готов к первым неудачам, и они не смутят меня. При отступлении позади моей армии останется пустыня, всё будет уведено, и люди, и домашний скот»[3].

[1] *Попов А. Н.* Эпизоды из истории 1812 года // Русский Архив. 1892. № 8. С. 400.

[2] *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрою великою княгинею Екатериною Павловною. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1910. С. 57.

[3] *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912. Т. I. С. 514.

Как явствует из документов эпохи российско-французского союза, незримое для глаз непосвященных охлаждение обнаружило себя уже в 1808 г., когда Александру I и Наполеону предстояло встретиться в Эрфурте для переговоров о перспективах войны союзников с Австрией. Тогда, за неделю до отъезда сына, императрица-мать в стремлении отговорить его от поездки в Эрфурт направила ему собственноручное письмо, которому придавала важность откровенной беседы. Нарисовав безрадостную картину Европы, стонущей под игом «кровожадного тирана», Мария Феодоровна остановилась на целях, которые, по ее мнению, преследовал Наполеон, называя последнего в своем письме не иначе как «Бонапартом». «Он чувствует, — писала она, — что блеск его могущества начинает меркнуть, он хочет снискать себе нового обаяния в дружбе Императора России; но кумир уже шатается, и самое присутствие и великодушное участие в этом свидании его молодого друга должны послужить ему поддержкой...» По мнению императрицы, Александра I вовлекали в новые переговоры с тем, чтобы «при помощи коварных уловок побудить его против, так сказать, собственной его воли принять участие в новой войне, <...> которая, несомненно, замышляется для того, чтобы уничтожить, если то будет возможным, единственную, стоящую между ним и нами державу». Императрица имела в виду Австрию, которая в то время наращивала силы для очередной войны против Франции, и считала, что, если поездка в Эрфурт состоится и союз, заключенный в Тильзите, сохранит свое значение, то тогда все преграды на пути Наполеона, если бы он со временем вознамерился двинуть войска на Россию, исчезнут[4].

Ответ Александра I на письмо императрицы-матери — документ во всех отношениях весьма примечательный: в нем раскрываются внешнеполитические цели императора и то, как им трактуются «интересы России» в период после Тильзита и в обозримом будущем. В этом письме император в частности задавался вопросом: «Не в интересах ли России поддерживать хорошие отношения с этим страшным колоссом, с этим воистину опасным врагом?» На этот вопрос Александр I отвечал так:

«Надобно, чтобы Франция и далее пребывала в уверенности, что ее политические интересы могут сочетаться с таковыми же интересами России; с того момента, как у нее не будет такой уверенности, она будет видеть в России лишь врага, пытаться уничтожить которого будет входить в ее интересы. Следует предположить, что Франция всегда будет предпочитать дружбу с Россией — с того момента, как эта дружба стала отвечать собственным ее политическим интересам — войне или неприязненным с нею отношениям, потому что, несмотря на превосходство своих сил, она уже испытала на себе, сколь эта борьба в прошлом была для нее тягостной». В условиях российско-французского союза Александр I считал необходимым убедить Францию, что Россия

[4] Императрица Мария Феодоровна — Александру I, 25 авг. (6 сент.) 1808 / Публ. Н. К. Шильдера «Накануне Эрфуртского свидания 1808 года» // Русская Старина. 1899. № 4. С. 11–15 (пер. с фр. исправлен по оригиналу С. Н. Искюлем).

«с готовностью примкнула к ее интересам», хотя бы, как указывал он, *на время* и тем доказать ей, что она может относиться «без недоверия к ее намерениям и планам».

Император подчеркивал необходимость «получить желанную передышку и беспрепятственно наращивать в течение этого столь драгоценного времени свои силы», сохраняя при этом «глубочайшую тайну, а не разглашать во всеуслышание о наших вооружениях, не выступая открыто против того, к кому испытываем недоверие...»[5]. Напомним, что Александр I написал эти строки перед тем, как отправиться в Эрфурт на свидание с Наполеоном, и после тильзитского свидания прошло немногим больше года.

Александр не был тем человеком, который мог забыть, например, реплику Наполеона в ответ на протест поверенного в делах России в Париже Петра Яковлевича Убри касательно ареста Луи Антуана Анри де Бурбона герцога Энгиенского на баденской территории и его расстрела в Венсенне. Герцог подозревался в участии в заговоре с целью покушения на жизнь Первого консула Бонапарта, и его казнь явилась поводом для разрыва отношений между Россией и Францией, инициированного Александром I, и организации новой антифранцузской коалиции. Реплика же выразилась буквально в следующих словах: «Жалоба, с которой ныне выступает Россия, позволяет задаться вопросом, что если бы в случае, когда Англия только задумывала убийство Павла I, стало бы известно, что участники этого сговора находятся на расстоянии одного только лье от российских границ, неужели в России не поспешили бы их захватить?». В письме к маршалу Ж. де Д. Сульту Наполеон позднее писал: «Какие-то невнятные британские замашки побудили Россию предпринять необдуманный шаг, а именно надеть траур по герцогу Энгиенскому, что заставляет Европу воспоминать об убиении Павла I»[6]. Более того, реплика в связи с протестом, заявленном Убри, была опубликована в центральном органе правительства «Монитёре». Тогда Наполеон был уверен в том, что герцог виновен, но в весьма недалеком будущем император получил все доказательства его полной невиновности, вследствие чего былая уверенность переросла в чувство негодования к спровоцировавшему это деяние тогдашнему министру иностранных дел Ш.-М. де Талейрану, чувству, которое с тех пор неоднократно впоследствии прорывалось в том числе и публично в его отношениях с принцем Беневентским.

Для Александра I к этой вышеприведенной реплике Наполеона присоединилось и позорное поражение под Аустерлицем в декабре 1805 г., когда «его боевая слава померкла, не успев расцвесть»[7]. Душевные переживания, вызванные тогдашней катастрофой, явились столь неожиданно, что потрясли императора,

[5] Александр I — Марии Феодоровне, не ранее 26 авг. (7 сент.) // РС. 1899. № 4. С. 18–21.

[6] Письмо Наполеона — маршалу Ж. де Д. Сульту 14 прериаля XII (3 июня 1804) // Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. T. IV / Préf. de T. Lentz. Paris: Fayard, 2007. P. 733.

[7] *Мельгунов С.* Дела и люди Александровского времени. Берлин, 1923. С. 58.

собиравшегося снискать лавры полководца в сражении с Наполеоном, военный гений которого представлялся еще в то время Александру I не столь безусловным. К тому, что от уверенности в победе не осталось и следа, присоединилось в особенности и то обстоятельство, что государь не мог скрыть всю неприглядность своего состояния во время панического отступления с поля сражения, когда не только союзники, но и члены свит обоих императоров потеряли друг друга. Во время этого бегства, пишет один из лучших биографов Александра I, «он почувствовал такое расстройство физическое и нравственное, что не мог ехать далее». Император слез с лошади, сел под деревом на землю и, закрыв лицо платком, «залился слезами». Что и говорить, внезапная смена настроений — от полной уверенности в победе до осознания катастрофы — потрясли душевный мир государя. Ночь, проведенная на соломе в крестьянской избе, добавила к «нравственному и физическому беспокойству» еще и озноб, и расстройство желудка[8]. Император Александр был весьма памятлив, и то, что пришлось ему испытать при Аустерлице, впоследствии продолжало поддерживать в нем жажду реванша. Хорошо еще, что после поражения союзников преследование французской армии не носило настойчивого характера, и русский император вскоре оказался в безопасности.

Вообще, вне зависимости от политических и прочих причин, война с Наполеоном явилась у Александра I актом борьбы его личного самолюбия, ибо он не мог изжить в себе раз перенесенного унижения, никогда ничего не забывая и, разумеется, ничего не прощая, в особенности Наполеону, который во многих отношениях превосходил русского императора своими выдающимися качествами полководца и государственного деятеля, и Александр I это чувствовал.

После Аустерлица, в отличие от императора Франца II, Александр I не стал вести никаких переговоров с виновником своего поражения, отдавшись делу создания новой коалиции, и в этом он был последователен. Поддержав прусского короля в войне против Франции в 1806 г., он отнюдь не думал отказываться от осуществления своих прежних планов, которые всего за два месяца до Тильзита были изложены 14 (26) апреля 1807 г. в так называемой Бартенштейнской конвенции между ним и Фридрихом-Вильгельмом III, которая в конечном счете декларировала реставрацию королевской власти во Франции. К заключению же Тильзитского мира 25 июня (7 июля) 1807 г. российского императора принудила одна только жестокая необходимость, когда целый ряд поражений после невероятный усилий, сопряженных с тяжелыми потерями для российских и прусских войск, заставили его, скрепя сердце, пойти на переговоры о перемирии, затем о мире и, наконец, о союзе. Он осознал, «верно и трезво учитывая тогдашние обстоятельства, полную невозможность на целый ряд лет дальнейшей борьбы» и решился «принять на себя тяжелую для него роль

[8] *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897. Т. 2. С. 142.

преданного друга и почитателя императора французов»[9]. Роль эту Александр I сыграл, как и прочие роли в своей жизни, блестяще.

И вот тогда, перед Эрфуртским свиданием в октябре 1808 г. для российского императора война с Францией представлялась вероятной, подчеркнем, уже через год после Тильзита! Ему оставалось только выждать подходящий момент, найти вполне благовидные предлоги к оправданию своих действий и привить общественному мнению Российской империи убеждение в непреложной справедливости избранной позиции.

Такой момент представился в 1810–1811 гг., когда Александр I руководствовался тем настойчивым предположением, что война с Францией с самого начала будет превентивной. Памятником несостоявшейся наступательной войны против Франции предстают отданные в ожидании ратификации союзного военного соглашения с прусским королем[10] и перехода поляков Великого герцогства Варшавского на сторону России приказы военного министерства России. Приказы были разосланы 24, 27 и 29 октября военным министром М. Б. Барклаем-де-Толли со ссылкой на высочайшее повеление начальникам корпусов, дислоцированных на западной границе России, генерал-лейтенантам П. Х. Витгенштейну, К. Ф. Багговуту, И. Н. фон Эссену 1-му и генералам от инфантерии П. И. Багратиону и Д. С. Дохтурову. Содержание приказов военный министр предписывал сохранять под «строжайшим и непроницаемым секретом», причем с одной стороны заверял командиров корпусов в том, что «нет никакой причины ожидать, что может случиться разрыв между нами и французами», а с другой стороны требовал держать вверенные им соединения в постоянной готовности к выступлению в поход; при этом они обязывались ждать условного известия от генерал-лейтенанта Витгенштейна о его переходе прусских границ, что должно было послужить для них сигналом к выступлению

[9] *Корнилов А. А.* Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11. С. 131.

[10] В результате русско-прусских переговоров в Петербурге 5 (17) октября 1811 г. канцлер Н. П. Румянцев и военный министр М. Б. Барклай-де-Толли с одной стороны и начальник генерального штаба прусской армии генерал-майор Г.-И. Шарнхорст подписали совместную военную конвенцию. Соглашение предусматривало взаимодействие 17 «полных» дивизий русской армии, которые должны были «возможно скорее» двинуться в поход, с прусскими войсками при любом развитии событий на Висле или Одере (ВПР. Т. VI. С. 191–197). Конвенция могла стать существенной основой новой коалиционной войны против Франции уже в 1811 г., и русского императора не смущало то, что война должна была начаться в неблагоприятное с точки зрения ведения военных действий время. Но уже после доклада возвратившегося из России Шарнхорста прусский король отклонил ратификацию соглашения, поскольку считал, что соглашение не обеспечивает безопасности открытой со всех сторон Пруссии (Ср.: *Казаков Н. И.* Внешняя политика России перед войной 1812 года // 1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны. Сб. статей. М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 23). Впрочем, для прусской политики всегда была характерна изрядная доля предусмотрительности, нередко портившей ее отношения с союзниками.

в поход[11]. Возможно, что, имея в виду это обстоятельство, еще в июне 1811 г. А. И. Чернышев и К. В. Нессельроде выступили с инициативой создания русско-немецкого легиона. «Ваше величество, — писали они государю, — можете немедленно приступить к осуществлению этой меры под предлогом того, что желаете соединить в особые полки ваших лифляндских, курляндских и финляндских подданных, которым незнание русского языка часто служит препятствием к ревностной службе в русских войсках»[12]. Предполагалось, что в этом случае командовать легионом будет прусский генерал Людвиг Георг фон Вальмоден. Впоследствии с такой инициативой выступил известный прусский реформатор барон Генрих Фридрих фом унд цу Штейн, когда оказался в России в 1812 г., и такой корпус был создан.

Один из историков, писавший в эпоху 100-летнего юбилея войны 1812 г. и справедливо считавший, что «узлы» франко-российских отношений в 1812 г. были заложены еще в Тильзите, а «всё последующее есть лишь развитие этих начал», задавался вопросом о поведении тех главных действующих лиц, которые вели переговоры в эпоху Тильзита: «Может быть, один из них стал жертвой хитрости и обмана со стороны другого?»[13]. Вне всякого сомнения, историк полагал, что стать этой жертвой было уготовано императору Александру I, но так ли это, если принять во внимание всю совокупность политико-дипломатических отношений между Россией и Францией, которые складывались отнюдь не только из дружественных связей, но и из серьезных «противуречий» в разных областях?

Одним из них была так называемая «польская конвенция», в подписании и ратификации которой Александр I выказал немалую заинтересованность, особенно в совместном с Наполеоном декларировании первой ее статьи, а именно: «Польское королевство никогда не будет восстановлено». Наполеон же слишком дорожил своим польским «опытом», чтобы рисковать внести разлад в свои отношения с самым преданным из своих союзников после того как благодаря ему на европейской карте возникло Великое герцогство Варшавское. Своим демонстративным промедлением с ратификацией конвенции он явно показывал свое нежелание придавать ей какое бы то ни было значение и ожидал, что в Петербурге не станут настаивать и отступят от этого явно проигрышного дела. Когда же русский посол в Париже князь А. Б. Куракин продолжал настаивать на желании получить определенный ответ французской стороны, Наполеон заявил: «Взять на себя непреложное и всеобъемлющее обязательство, что королевство Польское никогда не будет восстановлено,

[11] Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отдел 1-й. СПб. 1904. Т. V. С. 268–270, 302–304, 313–315.

[12] *Попов А. Н.* Барон Штейн в России в 1812 году // РС. 1893. № 2. С. 391.

[13] *Середонин С. М.* Политические причины войны 1812 года // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1912. Т. II. С. 11.

было бы актом неблагоразумным и несовместимым с моей честью. Если поляки, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, восстанут как один и окажут противодействие России, то мне нужно будет употребить все свои силы, чтобы усмирить их — так, что ли? Если же они найдут себе в этом деле союзников, то мне нужно будет употребить свои силы, чтобы сражаться с этими союзниками? Это значит требовать от меня невозможного, бесчестного и к тому же совершенно независящего от моей воли. Я могу утверждать, что никакого содействия, ни прямо, ни косвенно, не будет мною оказано какой-либо попытке восстановить Польшу, но не более того»[14]. Конвенция так и не была ратифицирована, ибо позиция императора французов пребывала неизменной.

Отношения между союзниками не стали ближе и доверительнее и после того, как в Петербурге дважды отклонили брачные предложения Наполеона. Первый официальный историк войны 1812 г. Д. П. Бутурлин писал в своей книге, вышедшей одновременно в Париже и Петербурге, об одной из причин франко-российского столкновения: «Императора французов оскорбил прием в Петербурге его сватовства, и он жаждал возмездия, чтобы император Александр почувствовал всю силу его могущества»[15]. Речь у Бутурлина идет об одном случае, но на самом деле их было два: сначала Наполеон сватался к великой княжне Екатерине Павловне, затем к ее сестре — Анне, младшей дочери покойного императора.

Как в первом, так и во втором случае императрица-мать, распоряжавшаяся судьбой дочерей, давала согласие на брак только по прошествии нескольких лет. Преодолеть решение императрицы-матери при той позиции, которую занял ее сын, было просто невозможно. Несмотря на это французский посланник Арман де Коленкур предпринял шаги, направленные на то, чтобы побудить Александра I вынудить Марию Феодоровну дать свое согласие. Посланник старался затронуть самолюбие императора, прекрасно зная, что он всегда непоколебим, отстаивая собственную свободу в принятии решений, касающихся вопросов внешней и внутренней политики. Доводы посланника, казалось, заставили императора задуматься, но в конце концов не поколебали убежденности императора в справедливости своей позиции, ибо он не хотел, оскорбив мать, вызвать еще один разлад в семье, и Коленкуру пришлось отступить: он сообщил в Париж о том, что до получения новых повелений отказывается вновь поднимать вопрос о браке[16]. Отказ был истолкован Наполеоном не в том смысле, о каком пытались создать впечатление в Петербурге. Проницательность его не обманула, и еще за два дня до того, как русский брак ускользнул от него, Наполеон сам бесповоротно отказался от этого проекта, посчитав, что не стоит далее тешить себя иллюзией в стремлении укрепить союз брачными узами.

[14] *Ernouf A.-Au.* Maret, duc de Bassano. Paris: E. Perrin, 1884. P. 266.

[15] *Boutourlin D.* Histoire militaire de la Campagne de Russie en 1812. Paris, 1824. T. I. P. 43.

[16] Там же. С. 375.

Императрица-мать, а с нею и сам император были против породнения с династией Бонапартов не только по причине возраста великой княжны. Ответное письмо Александра I перед его поездкой в Эрфурт вполне убедило вдову Павла I в том, что не только она смотрела на франко-российский союз как на «дело случайное»[17]. Она полагала, что, соглашаясь на искательства Наполеона, Российский Императорский дом «без всякой пользы пожертвовал бы своим достоинством, судьбой одного из членов своей семьи и необдуманно компрометировал себя в глазах Европы неравным браком»[18].

Что касается Наполеона, то неудачная попытка связать себя кровными узами с Российским Императорским домом неизбежно породила у него чувство оскорбленного самолюбия, тем более что в его глазах она решительно поколебала дружественные отношения, завязанные в Тильзите, и союз, который «русский брак» должен был упрочить. Впрочем, прежний тон и прежние чувства дружбы в отношениях и переписке сохранялись, хотя французскую сторону совершенно не удовлетворяли ссылки на пресловутые обстоятельства в поисках причин неуспеха русско-французских брачных проектов.

Охлаждение в отношениях союзников посеяло и «дело» флигель-адъютанта Александра I, полковника А. И. Чернышева, который начиная с 1810 г. регулярно появлялся во французской столице. В будущем военный министр России, в то время Чернышев служил личным почтальоном обоим императорам-союзникам. Полковник Чернышев был лично известен императору французов с 1809 г., был принят в высшем парижском обществе и в Тюильри. Полковник всегда избегал серьезных разговоров, особенно на политические темы, не скрывал, что проживает жизнь только ради прекрасных женщин и прочих удовольствий. Вежливый до предупредительности, остроумный и веселого нрава, Чернышев пользовался успехом в дамском обществе. Затянутый в мундир, который, по словам бывавшего тогда в свете Стендаля, казалось, вот-вот лопнет на нем и «с четырьмя крестами на шее»[19], Чернышев производил то впечатление, какое и рассчитывал произвести. Наполеон относился к нему как к флигель-адъютанту своего тильзитского «друга» и всегда принимал его в Тюильри, считая, что встречи с Чернышевым помогут прояснить ситуацию, наладить отношения, и использовал встречи с адъютантом Александра I для тщательной дипломатической разведки. То же делал и Чернышев, совмещая функции почтальона с занятиями особого свойства, употребляя свои усилия и способности для добывания сведений о вооружениях, передвижениях, численности французской армии, о положении дел в Испании, о ситуации внутри Франции. Между прочим, ему удалось получить точное и полное расписание Великой армии, формировавшейся в преддверии

[17] *Вандаль*. С. 286.

[18] ДС. Т. II. С. 386.

[19] Последнее — известное преувеличение; писатель явно ошибся, хотя и видел Чернышева не раз; он мог не разглядеть, сколько в действительности у него привешено орденов. См.: *Стендаль*. Дневники // Стендаль. Собрание сочинения. М.–Л., 1961. Т. XV. С. 379.

войны с Россией. Одно из таких расписаний опубликовано в приложении к письму Чернышева к Барклаю-де-Толли от 7 (19) сентября 1811 г. из Парижа[20], были и другие, не менее важные и не менее объемистые, документы, уточнявшие те или иные данные, например, расписание Французской армии на 1 октября того же года[21]. Практически любое письмо Чернышева к Румянцеву, например от 4 (16) октября 1810 или от 1 (13) ноября 1811 г., содержало конфиденциальную информацию военного характера[22].

Осенью 1811 г., когда для многих во Франции из числа людей осведомленных война с Россией уже представлялась не столь уж невероятной, за многими русскими был учрежден негласный полицейский надзор. Вскоре Наполеон был извещен о том, что российский полковник, помимо балов, дамских будуаров и гостиных, время от времени, но довольно-таки регулярно в вечерние сумерки посещает пустынные улицы и переулки близ Елисейских полей. Дополнительный розыск установил, что Чернышев встречается с чиновником Военного министерства, более того, посещает квартиру чиновника, в ведении которого находились списки личного состава всех частей французской армии. Таким образом, деятельность Чернышева не прошла незамеченной для французского правительства[23], да и сам он сознавал, что его положение становилось всё более опасным: в случае открытия военных действий Наполеон мог распорядиться арестовать дипломатических агентов и конфисковать их бумаги. Чернышев уже просил канцлера Румянцева под каким-либо предлогом вызвать его в Петербург, однако этого не потребовалось: Наполеон сам решил отправить Чернышева в Россию с очередным письмом к Александру I. Император французов мог догадываться, что полицейское расследование может зайти весьма далеко, но в тот момент, в феврале 1812 г., Наполеон не хотел преждевременного обострения отношений, и Чернышев был отпущен, хотя улик против него было более чем достаточно.

Отпуская Чернышева в Петербург, Наполеон сказал, что назначает его своим полномочным представителем «в надежде на договоренность, дабы не проливать кровь сотни тысяч храбрецов из-за пустой безделицы». Для этого царю достаточно было лишь строго соблюдать тильзитские соглашения, т. е. строгонастрого закрыть английским судам вход в русские порты и не допускать импорта колониальных товаров в соответствии с Берлинским и Миланским декретами, а также с режимом лицензий. При этом Наполеон заверял честным словом, что в 1812 г. не обнажит шпагу в случае, если его союзник не выступит

[20] Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1904. Т. V. С. 27–28, 29–53.

[21] Там же. С. 157–214; документ опубликован с пометой составителей: «Кто доставил сведения — неизвестно».

[22] РИО. Т. 121. С. 96–104, 136–145.

[23] См.: *Arboit G.* 1812. Le renseignement Russe face à Napoléon // Revue d'Institut Napoléon. 2012. N 204. P. 71–86.

против его союзников. Император заявил о неизменности своих чувств к Александру I, а «если судьбе все-таки будет угодно столкнуть две величайшие державы из-за ребяческих безделок, то он будет драться как благородный рыцарь, и при случае пригласит своего противника позавтракать на аванпостах»[24].

Полицейское же расследование, в полную силу развернутое после отъезда Чернышева, показало, что подкуп чиновников Военного министерства Франции с целью получения регулярных данных стратегического характера начался еще за восемь–девять лет до описываемых событий. Чернышев лишь воспользовался прежними связями, завязанными еще российским поверенным в делах П. И. Убри с неким М. Мишелем, служившим в одной из канцелярий Военного министерства. На деньги Чернышева Мишель вовлек в это дело чиновников из других канцелярий Министерства и организовал целое «бюро» по изготовлению извлечений из документов, составлявших государственную тайну. Всего им было заплачено ни много ни мало 300 000 франков. С поличным были схвачены все, в том числе и швейцар российского посольства в Париже, у которого частью и происходили свидания Мишеля и Чернышева.

Узнав о подробностях этого дела, Наполеон приказал арестовать Чернышева, однако тому удалось ускользнуть и окольным путем достичь Рейна, где он миновал Майнц и Кёльн, куда уже посланы были повеления об его задержании. 13 апреля 1812 г. в Сенском уголовном суде началось слушание дела о государственной измене, в ходе которого главные привлеченные к суду лица были осуждены за вступление в преступные сношения с агентами «иностранной державы». Решением суда приговоренный к смертной казни Мишель Мишель был гильотинирован на Гревской площади Парижа 1 мая 1812 г., другой чиновник — канцелярист Луи Саже, как и его сообщник Луи Франсуа Сальмон — были приговорены к позорному столбу с железным ошейником и денежному штрафу «за преступные сношения с агентами иностранной державы»; остальные проходившие по этому делу как обвиняемые были оправданы[25].

В официальной ноте, продиктованной самим Наполеоном, но не врученной российскому послу в Париже, содержалась жалоба на действия Чернышева. «Его Величество глубоко огорчен действиями графа Чернышева, — говорилось в ноте. — Он с изумлением узнал, что человек, с которым он всегда хорошо обходился, который проживал в Париже не в качестве политического агента, а как флигель-адъютант российского Императора, аккредитованный особым письмом состоять при особе Императора французов, имевший значение доверенного лица, более близкого, нежели посланник, воспользовался своим положением, употребляя во зло всё то, что считается самым священным. Его Величество льстит себя надеждой, что и Император Александр будет глубоко огорчен, когда усмотрит в поведении господина Чернышева роль агента, действовавшего

[24] Там же. С. 164.

[25] *Arboit G.* 1812. Le renseignement russe face à Napoléon // Revue de l'Institut Napoléon. 2012. N 204. P. 71–86.

путем преступного подкупа, каковое деяние и международным правом, и законами чести осуждается. Его Величество Император приносит жалобу в том, что при его особе, притом в мирное время, под званием, внушавшим доверие, содержали шпионов, что позволительно только по отношению к врагу и во время войны. Он приносит жалобу в том, что шпионы выбраны были не из низкого сословия общества, но среди тех людей, кои по своему положению близко стоят к Государю...»[26] Примерно в тех же выражениях, что и в неотправленной ноте, император французов еще 3 марта 1812 г. пожаловался князю А. Б. Куракину в письме, продиктованном лично им, но подписанном одним только герцогом де Бассано[27]. Наполеон не стал упоминать об этом в переписке с Александром I. Дело было слишком щекотливым, чтобы хоть отчасти предавать его гласности и ставить союзника в неудобное положение.

Естественно, что такие «происшествия» не могли пройти бесследно и всеконечно способствовали подозрительности между союзниками и общему ухудшению взаимных их отношений.

Естественно также, что и французская сторона пользовалась услугами платных или бесплатных, по убеждениям, осведомителей и шпионов. Сомнений в этом возникать не должно, ибо дипломатическое прикрытие разведывательной деятельности практиковалось всегда, но крупных провалов, подобно чернышевскому (а в случае с полковником А. И. Чернышевым налицо не только успех, но и крупный провал, поскольку не надо доказывать, что в такого рода делах важно не только успешно выполнить возложенное поручение, но и хорошо замести следы), у французской разведки не было. Кроме того, возникает вопрос, следовало ли прилагать такие усилия в добывании полного расписания французской армии, если в продолжение войны в России вплоть до вступления Великой армии в Москву это не оказало ровным счетом никакого влияния в тактико-стратегическом отношении на ход военных действий?

Но «противуречия» существовали и в делах хозяйственно-экономических, а это было уже слишком серьезно. В одной из недавних вышедших на русском юбилейных статей автор задавался вопросом, который поместил в заглавие своей статьи: «Была ли война 1812 года связана с экономикой? О причинах похода Наполеона на Россию»[28]. Автор этой статьи, М. Б. Кросби-Арнольд (США), отвечает на поставленный вопрос утвердительно, и он прав. Но на этот вопрос уже давно ответили русские историки Е. В. Тарле и М. Ф. Злотников, а с ними и А. В. Предтеченский, а также авторы юбилейного издания «Отечественная война и русское общество» (1912). Конечно, трудами этих историков проблема не исчерпана, но их приоритет очевиден, и всё же ссылок на их труды в статье мы не найдем.

[26] Correspondance de Napoléon Ier, publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1868. T. XXIV. N 18. P. 541.

[27] Ibid. P. 275.

[28] Французский ежегодник. 2013. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 33–60.

Противоречия возникли уже в 1808 г., вскоре после заключения франко-российского мира и союза в Тильзите, когда Российская империя вышла из борьбы против Франции «без видимого ущерба», поскольку ничего не потеряла, но кое-что приобрела[29]. Однако если говорить о так называемой Континентальной блокаде, к которой Александр I как побежденный в коалиционных войнах 1805–1807 гг. должен был присоединиться по Тильзитскому миру 1807 г., то здесь, особенно на первых порах, можно говорить, как это ни покажется на первый взгляд странным и даже невозможным, о движении навстречу друг другу. Известно, что российский император, ступив на неманский плот, заявил императору французов о том, что «ненавидит англичан», и Наполеон отозвался на это с пониманием. Более того, уже 26 октября (7 ноября) 1807 г. Александр I выступил с инициативой, с которой вряд ли выступил бы, не будь уверен в полном согласии Наполеона. Император заявил, что «снова провозглашает принцип вооруженного морского нейтралитета, этого памятника мудрости императрицы Екатерины, и обязуется никогда более не отступать от этой системы»[30]. Таким образом, внук, обещавший в марте 1801 г., что при нем «всё будет как при бабушке», взял на вооружение идею политики вооруженного нейтралитета, провозглашенной в екатерининскую эпоху (1779–1783), и, соглашаясь с пунктами Тильзитского мира, обязался следовать условиям Континентальной блокады. Принципа вооруженного нейтралитета новый союзник Александра I придерживался всегда, ибо был намерен договориться с британской стороной о свободе морей, но Англия, узурпировав свое господство на морях, всегда отказывалась признать это право еще за кем-либо. Это обстоятельство явилось причиной морской войны между Францией и Англией, грозившей превратиться в бесконечную еще на исходе XVIII в., а также стало весомым резоном в пользу возникновения и продолжения Континентальной блокады Великобритании. Кстати, в прошлое царствование, т. е. при Павле I, блокада уже начинала приобретать отчетливо различимые черты, и император без всякого побуждения со стороны Первого консула принял ряд запретительных мер в отношении английской торговли, а также поощрял его к вторжению на Британские острова. После кончины Павла I политика в этом направлении потеряла всякий смысл и только после того, как политически и территориально в результате коалиционных войн в Европе произошли серьезные перемены, в новых условиях Наполеон вернулся к идее Континентальной блокады и без особых усилий привлек к ее проведению и Александра I.

С образованием Французской империи преследовавший не только интересы Франции, Наполеон объективно направлял свою политику, движимый стремлением преодолеть британскую гегемонию и освободить европейский континент от экономической зависимости от Англии, «тем самым положить основание самобытному развитию промышленности Европы»[31]. Разумеется,

[29] *Середонин С. М.* Указ. соч. С. 32.

[30] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 89. С. 203.

[31] *Военский К. А.* Континентальная система // Отечественная война и русское общество. Юбилейное издание. М., 1911. С. 232.

такая политика требовала немалых жертв в настоящем, хотя и сулила «неисчислимые выгоды в будущем», но несмотря на решительное преобладание власти Наполеона единства в следовании политики Континентальной блокады добиться оказалось невозможно. Последнее, т. е. выгоды такой политики, стали для многих очевидны и осознанно понятны только после того, как Французская империя пала под натиском старой Европы.

Согласившийся примкнуть к французской «системе» и обязавшийся соблюдать условия Континентальной блокады, поскольку для побежденных иного решения вопроса просто не было, Александр I не мог и скорее всего не хотел предусмотреть всех последствий этого шага для хозяйственно-экономического развития своей страны. Между тем блокада оказалась для России серьезным испытанием, поскольку усугубила те немалые трудности, которые накопились в результате активнейшей внешней политики предшествующих царствований и несообразных с ресурсами страны непроизводительных затрат, неизбежно сказавшихся в конечном итоге на хозяйственной жизни России, ориентированной в известной мере на торговлю с Англией.

Последняя же даже в условиях разрыва, а значит, и бессмысленности каких бы то ни было претензий, используя различные каналы, выступала с требованиями возобновления прежних торговых отношений. Так, еще в 1807 г., сразу после Тильзита, в ответ на ноту от 1 августа находившегося в Лондоне с особым поручением российского дипломата М. М. Алопеуса, британские официальные лица потребовали «доказательств» доброжелательного отношения императора Александра к британским торговым интересам; при этом такое «доказательство» могло состоять, по мнению англичан, в возобновлении расторгнутого торгового договора[32].

Каким же образом сказалось прекращение торговли с Англией на внутренней жизни России и положении сословий? В приведенном выше письме императрицы Марии Феодоровны Александру I, между прочим, есть и такие строки: «Цены на предметы первой необходимости возросли столь чрезмерно, что для бедных это равнозначаще голоду, чувствуется недостаток в соли, финансы близки к банкротству, ассигнации потеряли половину стоимости <...> Между тем, под влиянием обстоятельств, одинаково угнетающих и деревенского жителя, и дворянина, расходы постепенно растут. Одним словом, нет сословия которое бы не страдало и для коего это не было б отяготительно»[33]. С тем, что рост денежной массы давал о себе знать и как результат имел место рост цен — с этим нельзя не согласиться, но с тем, что это в равной степени касалось всех... В отечественной историографии принято считать, что союз России с Францией по Тильзитскому договору если и давал первой некоторые политические преимущества, то являлся крайне разорительным вследствие Континентальной си-

[32] См.: *Тарле Е. В.* Континентальная блокада // Тарле Е. В. Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. III. С. 349–350.

[33] РС. 1899. № 4. С. 10.

стемы, которая не только уменьшила государственный доход (таможенные сборы), но, вследствие повышения цен на предметы потребления и падения курса рубля, губительно отразилась на благосостоянии всех сословий. Так ли это? И нет ли здесь известного преувеличения того значения отдельных отрицательных моментов Континентальной блокады в России, которые изображались в воспоминаниях как народное бедствие, разоряющее все классы населения?

«В то время внезапный упадок государственного кредита производил чрезвычайное уныние и как будто оправдывал жалобы людей, более других вопиявших против союза с Наполеоном <...>, — читаем в мемуарах всеведущего Ф. Ф. Вигеля. — Ассигнационный рубль, который в Сентябре (1807 г. — *С. И.*) еще стоил 90 копеек серебром, к 1 Января 1808 года упал на семьдесят пять, а весною (1809 г. — *С. И.*) давали за него только 50 копеек; далее и более, через три года, серебряный рубль ходил в четыре рубля ассигнациями. Для помещиков, владельцев домов и купечества такое понижение курса не имело никаких вредных последствий, ибо цены на все продукты по той же мере стали возвышаться. Для капиталистов же и людей, живущих одним жалованием, было оно сущим разорением; кажется, с этого времени начали чиновники вознаграждать себя незаконными прибытками»[34]. Представители французского промышленного и торгового капитала по-своему и правильно объяснили своему правительству причины падения российского рубля, указав, в частности, что реальной причиной такового является прекращение британского экспорта в Россию, а восстановить положение могло бы только прекращение франко-английской морской войны или, что существеннее, появление у России нового рынка сбыта, который не уступал бы потерянному британскому[35], что было возможно, естественно, только при установлении принципа свободы мореплавания и морской торговли, равного без исключения для всех. Однако Великобритания никому не желала уступать своего морского первенства, и поэтому противостояние продолжалось: британские корабли блокировали французские гавани и ряд европейских портов, в то время как на континенте французская таможенная линия в той или иной мере успешно препятствовала появлению товаров британского производства в Европе. Французские корсары досматривали в Балтийском море суда, следовавшие в российские порты, из-за чего не раз возникали недоразумения, которые приходилось улаживать дипломатам, а английские корабли в необъявленной войне с французскими корсарами пытались прокладывать свою дорогу английским сукнам и колониальным товарам.

Между тем, согласно издававшемуся Коммерц-коллегией «С.-Петербургскому прейскуранту», пуд «кофе ординарного» в 1802 г. стоил 18 рублей 20 копеек, в 1808 — 42 рубля 65 копеек, а в 1811 его цена приблизилась уже к 72 рублям. Стоимость «кофе мартиникского» взлетела с 22 рублей 24 копеек

[34] [*Вигель Ф. Ф.*] Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М: Универ. тип., 1892. Ч. 3. С. 21.

[35] *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 581–582 (прим.).

в 1802 г. до 82 рублей в 1811, а «сахара рафинада лучшего» за тот же период — с 20 рублей 18 копеек до 82 рублей. Анкерок (голл., деревянный бочонок вместимостью от 33 до 40 литров жидкости) ямайского рома в 1811 г. покупался в России за 190 рублей против 60-ти в 1802. Рост цен налицо и сравнительно нередко весьма разительный рост. Но касался ли он в равной степени всех слоев населения, это еще вопрос. Не следует ли предположить, что основного населения страны — российского крестьянства с его во многом натуральным хозяйством, вполне удовлетворявшим немногосложные потребности сельского жителя — Континентальная блокада едва ли касалась? Русское крестьянство ничего не знало о дальнейшей судьбе собранного им хлеба и не нуждалось в заморских приобретениях. Вероятно, только в одном блокада Англии коснулась деревенского населения — определенным, не столь уж значительным, недостатком соли, которым обернулось сокращение ее привоза из-за рубежа в Северо-Западную Россию и прибалтийские провинции империи. В самом деле, то количество соли, которое купцы ввозили из той же Англии, составляло приблизительно десятую часть добывавшейся внутри империи. Благосостояния крестьян крепостных и государственных французская Континентальная система ни в коей мере не касалась. Напротив, для крестьян оброчных вследствие повышения цен на продукцию сельского хозяйства она была лишь прибыльна, так как оброк платился ассигнациями — денежными знаками внутреннего обращения.

Но и для помещиков, как и домовладельцев и купечества, такое падение рубля отнюдь не было разорительным. Все налоги и подати уплачивались не серебряным, а тем же ассигнационным рублем. Повышение же цен на продукты сельского хозяйства (рожь, пшеницу, лен и т. д.) было только выгодно, и многие в это время поправили свои дела и даже обогатились. «Людям, недавно купившим имения в долг на ассигнации, понижение курса послужило обогащением и спасением вообще всем задолжавшимся»[36]. Русское сельское хозяйство находилось в «первобытном» состоянии. Помещики, имея для обработки земли даровой труд крепостных крестьян, не нуждались в заграничных машинах, а в помещичьих усадьбах, где не гнались за модой и жили стародедовским обычаем, дом представлял собой полную чашу и не нуждался почти ни в чем покупном. Кто оказался затронут кризисом, так это городские сословия крупных городов, правда, главным образом те из них, которым сокращение или полное прекращение торговли с Англией грозило убытками или даже разорением. Блокада затронула интересы крупных землевладельцев, проживавших взыскивавшиеся оброки в столицах или за границей, купцов, участвовавших во внешней торговле, столичного чиновничества, жившего на жалование, которого уже не хватало на привычный образ жизни[37]. Прекращение регулярной торговли с Англией и помехи в доставке заморских товаров были в тягость и «золотой молодежи» Петербурга и Москвы, которая не в состоянии была отказаться от разгульной

[36] *Вигель*. Указ. соч. Ч. 3. С. 2.

[37] *Середонин С.М.* Указ. соч. С. 18.

жизни, немыслимой без кофе, шоколада и «заморских» вин[38]. Таким образом, Континентальная система разоряла людей, живших «на чистые деньги»; для них падение рубля равнялось уменьшению доходов более чем наполовину. Масса жалоб, записок, прошений, поданных в то время на высочайшее имя и к правительству исходила не от поместного дворянства, не из коренной земледельческой Руси, а подавалась от имени высшего сословия, жившего роскошной, барской жизнью, от чиновничества, существовавшего на жалованье и «безгрешные доходы», от жителей столиц, оторванных от истинных интересов земли[39].

Владевшие обширными вотчинами российские вельможи, проводившие большую часть времени в столицах, прежде всего были озабочены тем, чтобы не ударить в грязь лицом перед себе подобными, устраивая приемы, задавая балы и различные празднества по поводу и без повода, а поэтому должны были входить в немалые расходы, ибо приобретали для этих целей товары иноземного происхождения: сахар, кофе, вина, устрицы или «консервы» (то есть изысканные соления и маринады). Для России вдали от императорских резиденций, министерств, органов центрального управления, поодаль от сосредоточения гвардейских полков меры, связанные с ограничениями во внешней торговле, едва ли оказывались столь уж чувствительными и отяготительными.

Таким образом, правильнее было бы сказать, что повышение цен для большей части населения России прошло незамеченным, но вызывало ропот со стороны столичного населения, — в большей степени Петербурга, нежели Москвы — той части его населения, для которого колониальные товары воистину были предметами первой необходимости.

Но, говоря о Континентальной блокаде, необходимо иметь в виду, что этот период в истории России имел огромное значение «для усиления самостоятельной национальной индустрии»[40]. Континентальная блокада дала ощутимый толчок развитию российской мануфактурной промышленности и породила надежды на возможность будущей конкуренции отечественного производства с западным. 21 марта 1811 г. французский посланник Арман де Коленкур на исходе своей миссии в России писал в Париж не только о том, что русские жалуются на дороговизну предметов роскоши и на падение курса своего рубля, но и о том, что основалось много суконных, шелковых и прядильных фабрик, о том, что богатые помещики выписывают иностранных мастеров, которые обучают русских рабочих приемам своего ремесла, об открытии свекло-сахарных, новых винокуренных и водочных заводов[41]. При этом

[38] *Карцов Ю. С., Военский К. А.* Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. 56–57.

[39] *Военский К. А.* Континентальная система // Отечественная война и русское общество. С. 224.

[40] *Дружинин Н. М.* Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 16.

[41] *Николай Михайлович, вел. кн.* Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра I и Наполеона. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908. Т. V. С. 370.

отрасли предпринимательства развивались в новых капиталистических формах, что выразилось в систематической замене крепостных работных людей вольнонаемными, а во главе производстве становились инициативные предприниматели из разбогатевших крестьян, внедрялись всевозможные улучшения и усовершенствования.

Запрещение ввоза английских товаров привело к раскрепощению суконной промышленности, отныне удовлетворявшей не только потребностям государства, но и спросу на внутреннем рынке[42]. По имеющимся оценкам, число фабрик в России с 1804 по 1814 г. увеличилось с 2423 до 3731, количество занятых на этих предприятиях выросло с 95 202 до 169 530. Активнее всего развивалось бумагопрядильное производство: в 1804 г. на 199 фабриках трудилось 6566 человек, в 1814 г. число фабрик составило 423, а число занятых возросло до 39 210. Ощутимый рост наблюдался, например, и в железочугунной промышленности или литейном производстве: число заводов и занятых на них за тот же период времени выросло в три раза. И это при том, что запрет, наложенный на привоз иностранных товаров на британских судах, введенный в силу Тильзитским договором, длился неполных три года, и уже в 1810 г. начались всевозможные изъятия и отступления, которые свели на нет ограничительные меры. Разумеется, разные отрасли русской промышленности развивались с различной степенью эффективности, но в данном случае важно другое: большая часть фабрикантов не несла убытков от Континентальной системы, которая имела очевидные положительные стороны, ибо являлась инструментом ограничения британского господства на морях, гегемонии британской торговли в Европе и весьма существенным стимулом к поиску новых источников сырья взамен труднодоступных[43].

Вопреки сложившимся представлениям о катастрофических последствиях блокады для российской торговли внешняя торговля империи в 1810 г. не только сохранила свой уровень по сравнению с 1809 г., но свидетельствовала об относительном развитии этого уровня. Торговый оборот по сравнению с 1809 г. увеличился на 0,5 млн рублей серебром, а ввоз возрос на 0,8 млн рублей. Таким образом, актив торгового баланса сократился и равнялся 13,6 млн рублей[44]. В 1811 г. торговый оборот вырос на 3 млн рублей, при этом вывоз увеличился только на 0,5 млн, а ввоз на 2,5 млн. В 1812 г. торговый оборот на Балтийском море, через порты которого шло 2/3 всей внешней торговли страны, составил 34,4 млн рублей серебром, что по сравнению с 1809 г. дает увеличение на 8,4 млн рублей. Разумеется, не будь известных ограничений, при соблюдении принципа свободы морей торговый оборот России мог быть и сравнительно большим. При этом и в 1810–1811 гг., и непосредственно перед войной 1812 г. медленно,

[42] *Пичета В.И.* Война 1812 г. и народное хозяйство // Война и мир: Сборник / Под ред. В.П. Обнинского и Т.И. Полнера. М.: Задруга, 1912. С. 230.

[43] Ср. *Предтеченский А.В.* К вопросу о влиянии Континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России // Известия АН СССР. 1931. С. 920.

[44] *Злотников М.Ф.* Континентальная блокада и России. М.–Л.: Наука, 1966. С. 304–305.

но верно в сравнении со статьями экспорта увеличивался импорт сырья, что, по мнению историка, означало одно: рост промышленного развития.

Вместе с тем совершенно очевидно, что к торговому противоборству с Англией простой российский обыватель не мог относиться сочувственно. Это происходило потому, что простая логика связывала Континентальную блокаду с последствиями военного разгрома и отчасти надуманным ущемлением чувства национального достоинства. Англия, уже не одно десятилетие воевавшая с Францией единственно из-за своих экономических гегемонистских устремлений по всему миру, в глазах того же обывателя неизбежно рисовалась как великодушная поборница свободы и прав угнетенных народов Европы. Это объясняет, почему в конечном счете, так и не снискав сочувствия европейского общества, Континентальная блокада, которая стала реальностью европейской жизни в 1806 г., была обречена на всеобщее осуждение, что на деле способствовало неудаче этого предприятия Наполеона в масштабах всего континента.

Таким образом, фактический отказ Александра I от соблюдения условий Континентальной блокады спустя неполные три года после ее ввода был продиктован на самом деле собственными целями и расчетами русского императора, и в 1807–1812 гг. остававшегося, по-видимому, глубоко уязвленным аустерлицким поражением. Это тем более вероятно, поскольку при огромных естественных богатствах и низком уровне потребностей большинства населения подвластная ему Россия, более чем любое из европейских государств, могла выдерживать Континентальную систему без всякого ущерба для хозяйственной жизни страны.

Но, «если сопоставить и взвесить все те обиды, которые он (Наполеон. — *С. И.*) наносил Александру, и те, которые он от него получил», то приходится согласиться с ранее высказанным мнением о том, что «еще большой вопрос — кто у кого остался в долгу»[45]. Это здравое суждение представителей российской историографии эпохи столетнего юбилея войны 1812 г. в последующую эпоху во внимание, естественно, не принималось и не учитывалось, поскольку оно шло вразрез с официальной концепцией истории войны 1812 г., к тому времени возобладавшей.

Сколь же эффективными были меры по соблюдению Континентальной блокады, об этом мы узнаем, например, из воспоминаний офицера русской армии К. фон Мартенса, вхожего в дом Барклая-де-Толли; там, в частности, речь идет о случае с конфискацией в Риге 23 английских судов, груженых колониальными товарами, и о том, что об этом «постарались раструбить, чтобы пустить французскому посольству пыль в глаза», но груз все-таки втайне был возвращен тем торговым домам, для которых предназначался[46]. Об этом деле было доложено Александру I, и он выразил одобрение случившемуся. Случай, имевший место в 1810 г., как нельзя лучше иллюстрирует тот факт, что русское правительство

[45] *Карцов Ю. С., Военский К. А.* Причины войны 1812 года. С. 94.

[46] *Мартенс К. фон.* Из записок старого офицера // РС. 1902. № 1. С. 104–105.

не только не препятствовало имевшим место нарушениям Континентальной системы, но и участвовало в мерах по снижению ее эффективности. Любопытные сведения о проникновении английских «фабрикатов» в Россию содержатся в воспоминаниях журналиста и литератора Фаддея Булгарина, жившего в то время в Кронштадте и в течение нескольких лет наблюдавшего картину ввоза английских товаров в период разрыва русско-английских отношений[47]. Нельзя сказать, что французское посольство в Петербурге не было осведомлено о ситуации, которую постоянно «отслеживало». Согласно донесениям А. де Коленкура, в Архангельск и в порты Черного, а также Балтийского морей приходило немало подозрительных судов, привозивших товары явно британского производства. Соответствующие представления о случаях контрабандного ввоза английских товаров время от времени имели место, но их изучение не давало особых результатов, что давало повод усматривать в этом препятствие к осуществлению строгих мер против попыток провоза запрещенных товаров.

31 декабря 1810 г. в Петербурге вышел указ «Положение о неутральной торговле на 1811 год», явившийся результатом разработок финансово-коммерческих реформ, проводившихся тарифным комитетом под руководством М. М. Сперанского[48]. Отдельные меры, вводившиеся новым тарифом, составной частью входили в общий проект реформ Сперанского, разработанный к концу 1809 г. Новый тариф, как известно, разрешал ввоз колониальных товаров на судах под нейтральным флагом и одновременно запрещал импорт шелковых изделий, кружев, фарфора и других товаров французского производства. В ряде случаев тариф повышал ввозные пошлины до 50 % с тем чтобы, в частности, воспрепятствовать вывозу звонкой монеты, которая шла в уплату за предметы роскоши, но значительно снижал пошлины на основные статьи экспорта российских товаров. Таким образом, новый торговый закон явился вызовом французской системе Континентальной блокады в Европе. «Самый протекционистский из протекционистских тарифов России»[49] был принят вопреки духу и букве Тильзитского договора[50]. Это необходимо признать, несмотря на совершенную очевидность того факта, что финансы и торговля России оказались к моменту принятия закона в сложном положении, что во многом было вызвано рядом экономических факторов предшествующего развития России, участием в войнах и постоянным ростом расходов на военные нужды, ложившихся тяжким бременем на финансы России в начале XIX в.

«Положение о неутральной торговле на 1811 год» не могло быть принято Наполеоном иначе как вызов. Для него было ясно, что Александр I вполне

[47] *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. СПб., 1849. Ч. VI. С. 119–127.

[48] Министерство финансов, 1802–1902. СПб., 1902. Ч. I. С. 30–42.

[49] *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 161.

[50] См. Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1 / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Госполитиздат, 1963. Т. III. С. 641 (ст. 28).

сознательно шел на ухудшение отношений с Францией, нанося ей весьма чувствительный удар в области экономической и ставя под вопрос эффективность Континентальной блокады. Тем самым одно из существенных положений Тильзитского мира в отношениях между двумя державами на деле теряло свою силу. 28 февраля 1811 г. Наполеон написал русскому императору большое письмо, где среди прочего встречается такая фраза: «Если Ваше Величество покидает союз и сжигает Тильзитские соглашения, то вслед за этим с очевидностью должно явиться то, что война неизбежно последует несколькими месяцами раньше или позже»[51]. Едва ли он вкладывал в смысл этого письма угрозу, Наполеон просто констатировал факт.

Через год, 21 января 1812 г., был обнародован «Манифест о внешней торговле на сей год», в котором значилось следующее: «Рассмотрев настоящее положение внешней неутральной торговли и вняв мнению Государственного Совета, признали Мы за благо положение о торговле на 1811 год изданное, продолжить на 1812 год»[52]. Это означало, что российское правительство решило и далее следовать принятым 19 декабря 1810 г. протекционистским мерам, направленным против французской торговли, ибо подтверждало существенное повышение ввозных пошлин на такие статьи, как предметы роскоши, шелка, драгоценности, зеркала, мебель. Последнюю меру можно рассматривать как ответ Александра I на так называемый Трианонский тариф от 5 августа 1810 г., который, как известно, повысил пошлины на все колониальные товары настолько, что от их ввоза следовало тотчас же отказаться.

Любопытным в связи с этим представляется обращение нескольких московских купцов к известному своими протекционистскими взглядами министру внутренних дел Осипу Петровичу Козодавлеву в марте 1812 г. Купцы подали министру записку, в которой просили внести изменения в «Положение о неутральной торговле на 1811 год», имевшие целью еще более усилить запрет касательно ввоза товаров британского производства. Податели обращения писали о том, что против всякого ожидания прекращения торговли России с Англией налицо «чрезвычайный и совершенно неожиданный привоз бумажной пряжи иностранной, под названием американской, но совсем подобной английской»[53]. По-видимому, ряд российских мануфактурщиков и купцов уже воспользовались преимуществами, которые давала Континентальная блокада, и были заинтересованы в ужесточении протекционистской политики по отношению к Великобритании.

Итак, к середине 1812 г. Александр I противостоял Наполеону решительно везде, где бы ни заходила речь о российских и французских интересах, даже в тех случаях, когда собственные политические и связанные с ними прочие

[51] Correspondance de Napoléon Ier, publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris: Henri Plon / J. Dumaine, 1867. T. XXII. P. 426.

[52] БАН. Отдел редкой книги. Коллекция печатных указов.

[53] Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. СПб., 1865. Т. III. С. 155 и далее.

устремления российского императора входили в известное противоречие с «сокровенными» интересами самой России. Поэтому Континентальная блокада как одна из наиболее видимых глазу причин ухудшения российско-французских отношений к началу 1812 г. лишь на первый взгляд играла важнейшую и первостепенную роль. Это тем более представляется очевидным, если принять во внимание, сколь мало времени прошло с тех пор, как меры французской системы вошли в употребление на российских просторах и сколь быстро от них отказались, зачастую в ущерб интересам империи, но не в ущерб личным интересам императора Александра I[54].

Наполеон был недалек от истины, когда 2 апреля 1811 г. в письме к Фридриху I королю Вюртембергскому выразился следующим образом о ситуации с франко-российскими отношениями: «Всё это напоминает мне оперную сцену, где втайне от зрителей машинами манипулируют всё те же англичане...»[55]. Для Великобритании сокрушение французского могущества в Европе с давних пор оставалось вопросом жизни и смерти; именно поэтому регулярная английская армия деятельно поддерживала испанских повстанцев и именно поэтому британское правительство прилагало усилия к тому, чтобы отношения между союзными Францией и Россией постоянно портились досадными для французской стороны разного рода неприятностями и недоразумениями, вынуждая идти на новые уступки, только бы удержать союзника в рамках союзных соглашений. Отголосок этих внутрисоюзных отношений попал даже в донесение полицейского агента, подслушавшего разговор двух партикулярных господ в Кремле. «Бонапарте премножество выгодных кондиций предлагал нашему государю, — сказал один другому, — с тем, однако, чтоб не мирился и держал бы всегда свои порты заперты для англичан...»[56] На что другой ответствовал в том смысле, что англичане угрожают Порте сжечь Константинополь, если султан и далее станет упорствовать в нежелании заключать мир с царем. Сказанное перекликается с сюжетом из апрельской сводки донесений тайных агентов, которые почти ежедневно попадали на стол министра полиции А.Д. Балашова: «Говорят, что Наполеон полагает большие пожертвования, дабы склонить Государя нашего приступить к континентальной Системе и заключить мир, за что отдает нам все области по самую Вислу»[57]. Последнее, разумеется, из области прямого вымысла, ибо соблюдение условий Континентальной блокады и так вытекало из взаимных обязательств по Тильзитскому миру.

[54] См.: *Довнар-Запольский М.В.* Отношение Императора Александра I к Отечественной войне и его роль в ней // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. III. С. 115–116.

[55] Politische und militärische Correspondenz Königs Friedrich von Württemberg mit Kaiser Napoleon I. 1805–1813 / Hrsg. von A. von Schlossberger. Stuttgart: Kohlhammer, 1889. S. 232.

[56] «Разные сведения из Москвы получаемые». 1812. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 1 об.

[57] Война 1812 года и русское общество («Осведомительные письма» тайной полиции) / Публ. С.Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования. М.: РГГУ, 2001. С. 272.

Конечно, дела, связанные с Континентальной блокадой и тем, как ее условия исполнялись в России, стояли для Наполеона на первом месте. Как средство экономической войны с Англией она представлялась ему, по опыту прошлого, эффективной лишь при деятельном участии России.

В разговоре с министром полиции Анном Жаном Савари герцогом де Ровиго перед отъездом из Парижа к армии в начале мая 1812 г. Наполеон выразил глубокое сожаление, что «доверился чувствам, побудившим его заключить мир в Тильзите», и несколько раз повторил: «Тот, кто способствовал бы тому, чтобы этой войны можно было бы избежать, оказал бы мне великую услугу»[58]. Наполеон не раз говорил окружавшим его о своем нежелании вести войну в России, а впоследствии, в продолжение самой войны, неоднократно предпринимал шаги к завязыванию переговоров о мире, однако с самого начала это не входило в планы Александра I, и в этом он был всегда последователен.

**References**

*Cate C.* La Campagne de Russie, 22 juin — 14 décembre 1812. Le duel des empereurs. Paris: Tallandier, 2006.

*Chambray G. de.* Histoire de l'expédition de Russie. Paris: chez Pillet ainé, imprimeur-libraire, 1825. T. 1–2.

*Fain A.* Manuscrit de l'An mille huit cent douze contenant le précis des événements de cette année, pour servir à l'Histoire de l'Empereur Napoléon par me Baron Fain, son secrétaire-archiviste à cette époque. Paris: Delaunay, libraire de Son Altesse Royale Madame la duchesse d'Orléans, Palais-Royal, 1827. T. 1–2.

*Karcov Û. S., Voenskij K. A.* Pričiny vojny 1812 goda. SPb.: Tip. A. F. Štol'cenburga, 1911.

*Kornilov A. A.* Èpoha Otečestvennoj vojny i ee značenie v novejšej istorii Rossii // Russkaâ mysl'. 1912. № 11. S. 129–154.

*Lentz Th.* La France et l'Europe de Napolén. 1804–1814. Nouvelle histoire du Premier Empire. Paris: Fayard, 2007.

*Mel'gunov S. P.* Sfinks na prestole. Čerty dlâ harakteristiki Aleksandra I // Mel'gunov S. P. Dela i lûdi Aleksandrovskogo vremeni. S. 35–83.

*Nikolaj Mihailovič, vel. kn.* Imperator Aleksandr I. Opyt istoričeskogo issledovaniâ. SPb.: Èkspediciâ zagotovleniâ gos. bumag, 1914. T. I–II.

*Rey M.-P.* L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris: Flammarion, 2012.

*Tarle E. V.* Kontinental'naâ blokada // Tarle E. V. Sočineniâ. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. T. III.

*Tatistcheff S.* Alexandre et Napoléon d'après leur correspondance inédite (1801–1812). Paris: Perrin, 1891.

*Vandal' A.* Napoleon i Aleksandr I. Franko-russkij soûz vo vremâ Pervoj Imperii / Per. s fr. V. Šilovoj. SPb.: Znanie, 1910–1913. T. I–III.

**Список литературы**

*Cate C.* La Campagne de Russie, 22 juin — 14 décembre 1812. Le duel des empereurs. Paris: Tallandier, 2006.

[58] Savary duc de Rovigo. Mémoires... pour servir à l'histoire de l'Empereur Napoléon. Paris: A. Bossange, 1828. T. V. P. 226.

*Chambray G. de.* Histoire de l'expédition de Russie. Paris: chez Pillet ainé, imprimeur-libraire, 1825. T. 1–2.

*Fain A.* Manuscrit de l'An mille huit cent douze contenant le précis des événements de cette année, pour servir à l'Histoire de l'Empereur Napoléon par me Baron Fain, son secrétaire-archiviste à cette époque. Paris: Delaunay, libraire de Son Altesse Royale Madame la duchesse d'Orléans, Palais-Royal, 1827. T. 1–2.

*Lentz Th.* La France et l'Europe de Napoléon. 1804–1814. Nouvelle histoire du Premier Empire. Paris: Fayard, 2007.

*Rey M.-P.* L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris: Flammarion, 2012.

*Tatistcheff S.* Alexandre et Napoléon d'après leur correspondance inédite (1801–1812). Paris: Perrin, 1891.

*Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой Империи / Пер. с фр. В. Шиловой. СПб.: Знание, 1910–1913. Т. I–III.

*Карцов Ю. С., Военский К. А.* Причины войны 1812 года. СПб.: Тип. А. Ф. Штольценбурга, 1911.

*Корнилов А. А.* Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11. С. 129–154.

*Мельгунов С. П.* Сфинкс на престоле. Черты для характеристики Александра I // Мельгунов С. П. Дела и люди Александровского времени. С. 35–83.

*Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1914. Т. I–II.

*Тарле Е. В.* Континентальная блокада // Тарле Е. В. Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. III.